

Что читал Юрий Гагарин?

Category: Edebi makalalar, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

Что читал Юрий Гагарин? ЧТО ЧИТАЛ ЮРИЙ ГАГАРИН?

«Мне нравилось, как писал Экзюпери» – и другие читательские предпочтения первого в мире космонавта

На странице с исходными данными сразу же оговаривается, что эта книга – «литературная запись специальных корреспондентов С.Борзенко и Н.Денисова». Сам Гагарин, конечно, никакой биографию не писал: она была оперативно издана в 1961-м году, сразу же после полета, и служила довольно прозрачным пропагандистским целям: идеальная книга об идеальном советском человеке на пути к идеальному будущему. И хотя с тех пор вышло немало книг о Юрии Гагарине, не скованных идеологическими путями – например, книга Льва Данилкина – «Дорога к космосу» до сих пор представляет определенный интерес.

Среди того, что специальные корреспонденты успели записать (и переписать) со слов космонавта, затесались и живые черточки к его портрету. В том числе читательскому – этот-то портрет к юбилею гагаринского полета мы и предлагаем вам рассмотреть повнимательнее.

Юрий Гагарин. «Дорога в космос», записки летчика-космонавта СССР – М.: «Правда», 1961 год

<...> (Я) перевелся в другую школу, в пятый класс. Там я вступил в пионерскую организацию. В Доме пионеров занимался в духовом оркестре, участвовал в драмкружке,

выступал на школьных спектаклях. Жил так, как жили все советские дети моего возраста.

В это время попалась мне книга, которая оставила яркий след на всю жизнь.

Это был рассказ Льва Толстого «Кавказский пленник». Очень мне нравился русский офицер Жилин, его упорство и смелость. Такой человек нигде не пропадет.

Попав в плен, он бежал да еще помогал бежать Костылину, человеку, слабому духом. Татарка Дина тоже была прелестной. Перечитывая рассказ, я все время примеривал его героев к знакомым людям. Ведь брат мой Валентин тоже бежал из плена. И в нем я находил черты полюбившегося мне Жилина.

Русскую литературу преподавала Ольга Степановна Раевская – наш классный руководитель, внимательная, заботливая женщина. Было в ней что-то от наших матерей – требовательность и ласковость, строгость и доброта.

Она приучала нас любить русский язык, уважать книги, помогала понимать написанное.

От нее мы узнали, как работали Пушкин и Лермонтов, как их убили на дуэлях, каким был Гоголь, как писал свои басни дедушка Крылов. Мы декламировали Максима Горького: «Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает».

Юрий Гагарин принят в пионеры

Но нам нравились больше подвиги, о которых народ говорит: вся жизнь – сплошной подвиг! Так говорилось о людях, всю свою жизнь подчинивших одной, главной цели и боровшихся за нее, не отступая. Ярчайший пример тому – жизнь Владимира Ильича Ленина.

Мы прочитали все книжки про Ленина, имевшиеся в нашей библиотеке.

Нас интересовала революционная деятельность Артема, мы восхищались биографией М.В.Фрунзе. Приговоренный царским судом к смерти, М.В.Фрунзе в тюрьме самостоятельно изучал иностранные языки в надежде, что они ему еще понадобятся, и они емугодились: ведь он бежал из темницы. Поистине Фрунзе знал «одну, но пламенную страсть».

Юрий Гагарин во время производственной практики в Ленинграде

В кино мы бывали почаще. Обычно ходили компанией, ведь в техникуме учились и девушки. После каждого фильма обязательно обменивались мнениями, спорили. Мне нравился фильм «Повесть о настоящем человеке», сделанный по книге Бориса Полевого. Я смотрел его несколько раз и книгу тоже прочитал не один раз. Хорошо в ней показана сила духа советского человека. Алексей Маресьев – прототип героя «Повести о настоящем человеке» – был посильнее полюбившихся мне героев Джека Лондона, сн был ближе мне по духу и устремлениям. Я частенько прикидывал про себя, как бы поступал, доведись мне попасть в такой же переплет, как Маресьеву. С детства я любил «Овода», созданного Лилиан Войнич. Это был любимый герой мальчишек. Я читал: «У него на груди был спрятан платок, оброненный Монтанелли. Он осыпал этот платок поцелуями и проплакал над ним всю ночь, как над живым существом...» И видел перед собой этот скомканный платок, ощущал его соленую влажность, ясно слышал выстрелы солдат,

стрелявших в Овода.

Я любил Овода, но Маресьева полюбил сильнее.

Он был моим современником, жил вместе с нами на одной земле, и мне хотелось встретиться с ним, пожать его мужественную руку. Литературу преподавала нам Нина Васильевна Рузанова, внимательный, заботливый педагог, влюбленный в свой предмет. Она составила список книг, настоятельно рекомендуя прочесть их каждому. В этот список входила вся серия «История молодого человека XIX столетия», которую в свое время редактировал Максим Горький. Она знакомила нас с шедеврами русской и мировой классики.

До сих пор помню волнение, охватившее меня, когда я читал «Войну и мир» Льва Толстого. Больше всего в этой чудесной книге мне понравились батальные сцены и образы защитников Отечества

от наполеоновского нашествия – артиллериста Тушина, командира полка князя Андрея Болконского, офицеров Ростова, Долохова, Денисова. И фельдмаршал Кутузов, словно живой, представал перед моими глазами.

В то время я прочел «Песню о Гайавате» американского поэта Лонгфелло, произведения Виктора Гюго и Чарльза Диккенса. Читал много, наверстывая то, что не успел сделать в детстве. Как и все мои сверстники, увлекался Жюлем Верном, Конан-Дойлем и Гербертом Уэллсом. Мы знали, что английского писателя интересовала Советская Россия, что в голодные годы он приезжал в Москву, разговаривал с Владимиром Ильичем Лениным и написал книгу «Россия во мгле». Нам хотелось прочитать эту книгу, но достать ее не смогли: в Саратовской городской библиотеке ее не было.

Нет в мире города с такой богатой революционной историей, как Ленинград. Все здесь напоминало о борьбе. И стены Петропавловской крепости, и чугунные мосты через Неву, и

корпуса бывшего Путиловского завода, на котором работал мой дед Тимофей Матвеев. Мы ходили к Исаакиевскому собору, фотографировались у памятника Петру Великому. Федя декламировал:

*«О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте уздой железной
Россию поднял на дыбы?»*

В этом городе творили Пушкин, Гоголь, Достоевский...

Циолковский перевернул мне всю душу.

Курсант Юрий Гагарин после полета

Это было посильнее и Жюль Верна, и Герберта Уэллса, и других научных фантастов. Все сказанное ученым подтверждалось наукой и его собственными опытами. К.Э.Циолковский писал, что за эрой самолетов винтовых придет эра самолетов реактивных. И они уже летали в нашем небе. К.Э.Циолковский писал о ракетах, и они уже бороздили стратосферу. Словом, все предвиденное гением К.Э.Циолковского сбывалось. Должна была свершиться и его мечта о полете человека в космические просторы. Свой доклад я закончил словами Константина Эдуардовича:

– *«Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».*

Прочел и почувствовал, как сердце мое дрогнуло и забилось сильнее.

Как-то раз в перерыве между полетами среди курсантов нашей группы зашел разговор о записках американского пилота-испытателя Джимми Коллинза. Книга ходила тогда по рукам, вызвала противоречивые суждения: одни восхищались невероятными положениями, в которые доводилось попадать автору; другие утверждали: он преувеличивает, нагнетает страсти.

– А что скажет инструктор?

Мы тесно сгруппировались вокруг Мартьянова. Аэродромный ветерок, теребя выбившиеся из-под шлемов волосы, свежо опахивал наши загорелые лица. Я тоже читал эти записки и не мог не увлечься некоторыми главами. Но вместе с тем у меня, знавшего о лётно-испытательной службе пока что понаслышке, книга возбудила странные чувства. И когда Дмитрий Павлович попросил высказать свое мнение, я поделился им с товарищами.

– Коллинза, – сказал я, – по-моему, преследовала обреченность одиночества... Главное, что занимало его мысли, были доллары. Любой ценой, но только заработать...

– Юрий прав, – поддержал меня Дмитрий Павлович. – Капиталистическая действительность создавала для автора книги именно ту обстановку азартной игры со смертью, когда в погоне авиационных компаний за прибылями жизнь летчика могла оборваться в любом полете.

Может ли быть такое в нашей стране, где главное – забота о человеке? – спрашивали мы самих себя. Мы хорошо понимали, что, как и во всяком новом деле, да еще связанном с испытаниями техники, любой – ракетной, авиационной, морской, подземной, – всегда имеется риск. Но о каком одиночестве советского летчика-испытателя могла идти речь, когда за ним стоят такие силы, как партия, как творческий труд всего нашего народа?

С детства я любил армию. Советский солдат-освободитель стал любимым, почти сказочным героем народов Европы и Азии. Я помню стихи о нашем солдате:

*Да, неспроста у пулемета
он глаз две ночи не смыкал,
и неспроста среди болота
он под обстрелом пролежал, –
ворвался в город на рассвете
и, завершая долгий бой,
он слезы радости заметил
в глазах у женщины чужой.
Прошел по бревнам переправы,
прополз по грязи под огнем,
и грязь в лучах солдатской славы
горит, как золото, на нем!*

Я тоже становился солдатом, и мне по душе были и артельный уют взвода, и строй, и порядок, и рапорты в положении «смирно», солдатские песни, и резкий протяжный голос дневального:

– Подъ-ё-ом!

Нравилась мне физическая зарядка, умывание холодной водой, заправка постелей и выходы из казармы в столовую на завтрак. Много времени проводили мы на полевых занятиях, на стрельбище и возвращались в казарму, порой, промокшими до нитки от дождя и снега. Глаза сами слипаются от усталости, скорее бы заснуть, но надо чистить и смазывать карабины, приводить в порядок снаряжение. Пока это все сделаешь да получишь от старшины «добро»... Вначале у нас буквально не хватало времени ни книжку почитать, ни письмо домой отправить. Но постепенно размеренный строй армейской жизни научил нас не терять даром ни одной минуты, мы стали более собранными, подвижными, окрепли физически и духовно.

Я тоже каким-то краем души чувствовал, что на смену самолету придет ракета. <...>

В эти дни в библиотеке появилась новая книга – «Туманность

Андромеды» Ивана Ефремова, пронизанная историческим оптимизмом, верой в прогресс, в светлое коммунистическое будущее человечества. У себя в комнате мы читали ее по очереди. Книга нам понравилась. Она была значительней научно-фантастических повестей и романов, прочитанных в детстве. Нам полюбились красочные картины будущего, нарисованные в романе, нравились описания межзвездных путешествий, мы были согласны с писателем, что технический прогресс, достигнутый людьми, спустя несколько тысяч лет был бы немыслим без полной победы коммунизма на земле.

Борис Федорович писал стихи и нередко читал их на вечерах самодеятельности. Песенки и частушки, написанные им, исполнялись нашим хором. Он любил русский язык, чувствовал слово. У него была небольшая, толково подобранная библиотечка любимых поэтов. На полке рядышком стояли томики избранных произведений Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Блока. Были и книги советских поэтов – Маяковского, Тихонова, Сельвинского, Малышко, Шенгелия... Мы тоже пользовались этими книжками.

Читали мы в то время и прозу, изданную Воениздатом и «Молодой гвардией», книги любимых солдатских писателей: Георгия Березко, Ивана Стаднюка, Михаила Алексеева и других.

Их произведения показывали советского воина во весь его гигантский рост, описывали любовь народов к своему освободителю. Большой популярностью пользовалась в нашей среде библиотечка журнала «Советский воин», небольшие книжицы из этой серии мы носили с собой повсюду.

Вечерами мы с Валеј читали книги. Обыкновенно, лежа на койке, я читал, а она, занятая домашними делами, слушала.

Мы брали в библиотеке книги о летчиках. Нам понравилась «Земля людей» Антуана де Сент-Экзюпери – французского летчика и

журналиста. Он погиб как герой, не дожив трех недель до освобождения Франции. В его книге было много поэзии и летной романтики, любви к людям. Он описывал мирный труд летчиков почтовых самолетов. Мне запомнилась новелла «Ночной полет». Сильно в ней описано поведение летчика, пробивающегося ночью сквозь бурю, и переживания его молодой жены. Такое случалось и с нашими летчиками и с нашими женами.

Мне нравилось, как писал Экзюпери:

«Достаточно ему, пилоту, просто разжать руки — и тотчас их жизнь рассыплется горсточкой бесполезной пыли. Фабьен держит в своих руках два живых бьющихся сердца — товарища и свое...» Или: «Твоя дорога вымощена звездами».

К сожалению, подобных «вечеров громкого чтения» было не так уж много. Валя была занята вместе с другими женщинами общественной работой, а я учился в вечернем университете марксизма-ленинизма. Занятия эти требовали непрерывного обращения к первоисточникам — трудам Маркса, Энгельса, Ленина.

Над книгами я за полночь просиживал с карандашом в руках, списывал целые тетради конспектами к семинарам.

С появлением ребенка в доме прибавилось забот. Только молодой отец может понять, какое удовольствие купать в теплой воде своего маленького, беспомощного ребенка, пеленать его, носить на руках, нашепывать тут же придуманные колыбельные песенки. Вернувшись домой с аэродрома, я все время проводил с малышкой, помогал жене в хозяйственных делах. Ходил в магазин за продуктами, носил воду, топил печь. Прав был поэт, когда писал: «Я люблю, когда в доме есть дети и когда по ночам они плачут».

Юрий и Валентина Гагарины на прогулке

Заняты мы были по горло. Газеты обычно приходилось читать дома, вечерами. Каждый день они сообщали о новых трудовых подвигах советских людей. Все лето народ жил вопросами, поднятыми на июльском Пленуме Центрального Комитета партии, о путях дальнейшего технического прогресса в нашей стране.

За непрерывными занятиями и тренировками мы не заметили, как минула осень и наступили зимние дни. В Москве в это время проходило Совещание представителей коммунистических и рабочих партий. <...>В опубликованном Заявлении этого Совещания — марксистско-ленинской программе коммунистов всего мира — говорилось: главная отличительная черта нашего времени состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества. <...>

Читая этот исторический документ, я убеждался, что личная жизнь моя имеет смысл постольку, поскольку она направлена на

служение народу.

Для нас, будущих космонавтов, было важно, что в Заявлении говорилось: «Советская наука открыла целую эпоху в развитии мировой цивилизации, положила начало освоению космоса, ярко демонстрируя экономическую и техническую мощь социалистического лагеря». Читая эти проникновенные слова, мы почувствовали свою ответственность не только перед Родиной, но и перед всем социалистическим лагерем, перед коммунистами всех стран. Предстоящий полет человека в космос преследовал сугубо мирные цели. В этом убеждали нас и сам космический корабль, не имеющий никаких военных приспособлений, и характер всей нашей подготовки к полету. Успешное осуществление такого полета стало бы триумфом мирной политики нашего народа, победой всех миролюбивых людей Земли. Стремление нашего народа к миру, к созиданию подтверждалось делом.

В это время попалась мне книга американского летчика Фрэнка Эвереста «Человек, который летал быстрее всех». Имя автора было знакомо, и я с интересом прочел то, что написал этот

волевой человек, ценою невероятных усилий добившийся того, что хотел. Все шло хорошо до тринадцатой главы, названной «Покорение космоса». Как только я прочел эту главу, меня охватило смешанное чувство неприязни и гадливости. Эверест писал:

«Я твердо убежден в том, что тот, кто первым покорит космос, будет господствовать над Землей. Не обязательно судьбы людей будет решать сильная и большая страна. Даже небольшая и сравнительно слабая страна с помощью космического корабля, вооруженного управляемыми снарядами с атомными зарядами, может добиться мирового господства. Эта страна, имея в своих руках космический корабль и ядерное оружие, может совершить нападение на противника из космоса, не подвергаясь в то же время ответному удару. Победа ей будет обеспечена».

Первый снимок после возвращения Юрий Гагарина (в центре) и космоса на Землю

О какой малой стране вел разговор Эверест, уж не об аденауэровской ли Германии? Во всяком случае, от этой галиматии за сто километров несло ничем не прикрытым махровым фашизмом.

Нет, не для порабощения других стран и народов стремятся советские люди в космос. Титанические усилия нашего правительства и его главы Никиты Сергеевича Хрущева направлены не на подготовку войны, а на сохранение мира.<...>

По теории вероятности существуют миллионы планет, подобных нашей Земле, где есть биологическая жизнь. Еще Джордано Бруно, великий мыслитель прошлого, высказал идею о множественности заселенных живыми существами миров. Эту смелую идею развивал и пропагандировал гениальный русский ученый Михаил Ломоносов. На многих планетах мыслящие существа, наверное, имеют гораздо более долгую историю, чем люди, и, может быть, находятся на более высоком уровне развития.

Через несколько дней, 5 мая, в Соединенных Штатах Америки с базы мыса Канаверал, что в штате Флорида, запустили по баллистической траектории ракету «Редстоун» с пилотом Аланом Шепардом на борту. Ракета взлетела на высоту в 115 миль – это примерно 185 километров, после чего от нее отделилась капсула с пилотом.<...>

Я просмотрел довольно объемистую пачку американских газет и журналов, посвятивших Алану Шепарду специальные статьи и многочисленные фотоснимки. В день этого полета на пресс-конференции президент Дж. Ф. Кеннеди, комментируя запуск американской ракеты с человеком на борту, заявил, что все люди испытывают огромное удовлетворение этим достижением. Нам предстоит пройти большой путь в области космоса, мы отстали, сказал президент, но мы работаем напряженно, и мы намерены увеличить наши усилия.

Газета «Нью-Йорк таймс» с нескрываемой горечью отметила, что ракета, с помощью которой был запущен американский астронавт, имела мощность, составлявшую всего лишь малую часть мощности советской ракеты, а капсула была значительно легче кабины «Востока»; продолжительность полета Алана Шепарда составляла лишь одну шестую часть времени полета «Востока», а расстояние, покрытое американским пилотом, – примерно одну девяностую часть пути, проделанного русским космонавтом.

Я с интересом ознакомился с обширными отчетами многочисленных корреспондентов, бывших свидетелями этого запуска.

Источник: prlib.ru Edebi makalalar